

A black and white dog with striking blue eyes is looking over a weathered wooden fence. The background is a vintage-style map of the Southern Hemisphere, featuring labels like 'C. des Terres Australes', 'I. de la Marie', and 'Route de l'Aigle'. The dog's fur is dark with white markings on its chest and paws.

**ХАНС-УЛАВ
ТЮВОЛД**

**ХОРОШИЕ
СОБАКИ
ДО ЮЖНОГО
ПОЛЮСА
НЕ ДОБИРАЮТСЯ**

Ханс-Улав Тюволд

**Хорошие собаки до Южного
полюса не добираются**

«Фантом Пресс»

2017

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)

Тюволд Х.

Хорошие собаки до Южного полюса не добираются / Х. Тюволд —
«Фантом Пресс», 2017

ISBN 978-5-86471-876-6

Шлёпик всегда был верным псом. Когда его товарищ-человек, майор Торкильдсен, умирает, Шлёпик и фру Торкильдсен остаются одни. Шлёпик оплакивает майора, утешаясь горами вкуснятины, а фру Торкильдсен – мегалитрами «драконовой воды». Прежде они относились друг к другу с сомнением, но теперь быстро находят общий язык. И общую тему. Таковой неожиданно оказывается экспедиция Руаля Амундсена на Южный полюс, во главе которой, разумеется, стояли вовсе не люди, а отважные собаки, люди лишь присвоили себе их победу. Но тихие дни, которые Шлёпик и фру Торкильдсен проводят за чтением, погружаясь в перипетии знаменитого антарктического путешествия, нарушены прибытием сына фру Торкильдсен и ее невестки. Ироничный, трагичный, причудливый роман о старости, дружбе и о том, что человеку пора пересмотреть свое отношение к животным как к низшим существам.

УДК 821.113.5

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-86471-876-6

© Тюволд Х., 2017
© Фантом Пресс, 2017

Содержание

Первый кус	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ханс-Улав Тюволд

Хорошие собаки до Южного полюса не добираются

HANS-OLAV THYVOLD

SNILLE HUNDER KOMMER IKKE TIL SYDPOLEN

Copyright © 2017, Hans-Olav Thyvold

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Chandler Crawford Agency Inc и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Этот перевод опубликован при финансовой поддержке NORLA

Перевод с норвежского Анастасии Наумовой

Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки Елены Сергеевой

© Анастасия Наумова, перевод, 2021

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2021

* * *

Первый кус

Может, уходит любовь – зато справедливость с тобой.

Если ушла справедливость – рядом останется сила.

Сила ушла? Не беда – мама с тобою всегда.

Мама, привет!¹

ЛОРИ АНДЕРСОН

Жизни Майора кранты – это я понял сразу же, как только сунулся утром в его больную комнату. Как я это понял? Майор превратился в бледную тень самого себя. Он лежал на большой кровати и хрипел – впрочем, он и за день до этого такой же был, и за два дня, и за три. Что там было за четыре дня, я не помню, а раньше – и подавно.

Фру Торкильдсен подняла меня и поднесла к его постели, как делала каждый день уже давно. Майору нравилось, когда я залезаю к нему в кровать. Одна борзая как-то раз обозвала меня декоративной собакой-переростком. Ну и ладно. Хотел бы я посмотреть, как дрожащая скелетина-борзая залезет на кровать к умирающему. Когда человеку нужна любовь и нежность, пускай лучше рядом будет декоративная собака-переросток, мохнатая и способная сострадать.

Я устроил Майору круговую облизаловку – к такой он за свои последние дни привык, вот только радость вся из него выдохлась, осталось лишь зловоние. Запах боли, который зародился в Майоре задолго до того, как Майора стали называть больным и увезли отсюда, запах, наполнивший всю комнату своими оттенками. Горечь смерти. Сладость смерти.

Какая разница, какая разница, как ни крутись – повсюду задница.

Этому правилу меня Майор научил, но чтобы я в это поверил, пришлось попрактиковаться. Я, бывало, долго гонялся за хвостом, казалось, вот-вот – и схвачу сукина сына, но в конце концов пришлось мне смириться с истиной: какая разница, какая разница, как ни крутись – повсюду задница.

Фру Торкильдсен спит. Я сперва боялся, что если она не уснет, то непременно полезет меня гладить, но вот теперь ей пора просыпаться, иначе последние минуты Майоровой жизни в этом мире не застанет, а застать их ей хочется, это я знаю.

Проще всего было бы гавкнуть и разбудить ее, но в Доме я шуметь не хочу. Воспитание у меня буржуазное, и поэтому я так и не избавился от страха, что меня выгонят. Откуда этот страх взялся, я понятия не имею, меня ни разу ниоткуда не выгоняли, однако суть страха как раз в том, что он прекрасно существует, ничем не подпитываясь.

Я перешагнул через Майоровы ноги, спрыгнул на пол и шорк-шорк-шорк к креслу фру Торкильдсен. Осторожненько ткнулся ей в ногу, тихо, чтобы она не вздрогнула, но фру Торкильдсен, ясное дело, все равно вздрогнула. Она рассеянно – так всегда бывает, когда ее внезапно будят, – встрепенулась, но вскочила резко, и будь у нее побольше сил, наверняка тигринным прыжком подскочила бы к Майору. Впрочем, сил у нее оказалось достаточно, чтоб я и сам подскочил.

Фру Торкильдсен положила ладонь Майору на лоб, склонила голову и прижалась ухом к его губам. И затаила дыхание. Надолго. Смотрела фру Торкильдсен на меня. Тоже долго.

– Тебя на улицу вывести? – спросила она.

Ну что за хрень, нет, конечно! Тогда бы я скребся передними лапами в дверь и поскуливал. Неужто за столько лет она меня так и не изучила? Она же умная и начитанная, хозяйка-то,

¹ Перевод с англ. О. Сухановой.

просто время от времени тупит и не сразу догоняет, чего я хочу. Возможно, такова моя природа. Я – пес одного хозяина, этого я никогда не скрывал. Как раз наоборот. Фру Торкильдсен меня кормит и купает, расчесывает и выгуливает с тех самых пор, как Майора вернули в Дом, да и до этого тоже, но я был и останусь собакой Майора до его последнего дня. А теперь этот самый последний день настал, я того и гляди осиротею, а поразмышлять о том, что станет со мной и фру Торкильдсен, мне и в голову не приходило. Чего раньше времени плакать-то. Это хороший принцип. А вот кормить строго в отведенное время – принцип, по-моему, дурацкий.

Фру Торкильдсен протерла губы мужу маленькой губкой и тихо заговорила – голос у нее тонкий и певучий, и так он отлично вторил низкому голосу Майора, когда они, сидя в полумраке гостиной, пили драконову воду и напевали песни, слова которых позабыли.

А еще они болтали обо всяких странных вещах, которые делали вместе. О подлых тетушках и нубийских королях. О книгах и лодках. О той войне, что была, и о той, что будет. Порой они говорили и о тех вещах, которые им следовало бы сделать. Были и такие вещи – некоторые они делали, а некоторые нет, – о которых они никогда не говорили.

Вытерев Майору лицо, фру Торкильдсен замерла. Она разглядывала своего мужа, а тот вроде как мирно спал, однако на самом деле изо всех сил боролся со смертью. А это не так просто, как в былые времена.

Видать, в маленькой белокурой голове фру Торкильдсен что-то шелкнуло, потому что она неуклюже забралась на здоровенную железную кровать к Майору, с трудом втиснулась между бортиком и крупным Майоровым телом и, устроившись у него на руке, совсем как я до этого, затихла.

В комнате опять повисла тишина, и я не знал, что предпринять. Кровать высоковата, без помощи фру Торкильдсен мне туда не забраться, а поскольку фру Торкильдсен уже сама залезла в кровать, шансы, что она выберется оттуда, поднимет меня и со мною на руках ползет обратно, ничтожны. Я стоял посреди комнаты и обдумывал различные варианты.

Вариант А. Поскуливание. Исключено по причине страхов, о которых я упоминал выше.

Вариант Б. Беспорядочно нарезать круги по комнате. Вреда не будет, но, с другой стороны, и пользы тоже. Результата ноль.

Вариант В. Сидеть неподвижно, точно какой-нибудь умильный спаниель на могиле давным-давно почившего кормильца. «Фидо сидел на могиле девять лет». Ну надо же. Может, Фидо полезней было б застрелиться и отправиться вместе с кормильцем в могилу? Вот только проклятые большие пальцы на лапах. Тот, кто разработает модель огнестрельного оружия для собак, озолотится.

Фру Торкильдсен, видимо, знала, что сегодня ночью Майор нас покинет, но разговаривала с ним так, будто это обычный день, а они просто возвращаются домой. Вот вернутся, нальют себе по бокальчику, усядутся в кресла и будут наблюдать, как день медленно соскользает в ночь. Свечи зажгут. Гайдна послушают. Камин растопят. Беседовать будут, тихо и неторопливо. И все наладится.

Фру Торкильдсен пускай говорит что ей угодно, но, боюсь, уже поздно. Тело, к которому она всю ночь прижималась, постепенно закрывалось. Майор по-прежнему где-то там, внутри, он словно механик, который ходит по мастерской и выключает один рубильник за другим, заворачивает вентили и гасит свет. От этого маленького механика пахнет спиртом и разложением, именно так ему и хочется пахнуть.

– Надеюсь, излишне говорить, что я люблю тебя...

Слова фру Торкильдсен настолько очевидны, что я почти не удивился, а ведь то, что она вообще их произнесла, крайне странно. Я прежде ничего подобного от фру Торкильдсен не слышал.

Майор трижды громко всхлипнул. Он пока еще здесь, и хотя фру Торкильдсен этого не слышит, он меня зовет – от моего слуха это не укрылось. Лишь сама волчья мать знает, откуда у меня силы взялись, однако я поднапрягся и запрыгнул на кровать. Втиснувшись между стеной и Майором, я уткнулся мордой ему в ладонь, вдыхая запахи моря и фосфора, пробивающиеся сквозь смерть и болезнь. Больше я не боялся.

Он перестал дышать как раз перед тем, как сердце его перестало биться. Несколько секунд оно билось вхолостую. Последнее, что Майор сделал, – это издал звук, на какой прежде был неспособен. Это был отзвук его голоса – он силился выбраться наружу, прежде чем механик доберется и до него.

Все. Майор ушел.

Фру Торкильдсен обнаружила это не сразу. Заснула ли она, не знаю, но сейчас уж точно проснулась. Она назвала его имя. Положила руку ему на лоб, а ухо поднесла к его губам и затаила дыхание. Прибор для вентиляции шипел. А после фру Торкильдсен тихо заплакала, так что пришлось мне тыкаться в нее мордой. Три раза тыкался, пока она меня не заметила. Она шмыгнула носом и положила руку мне на затылок. Чешет она отлично, хоть ей и недостает Майоровой жесткости, но зато у нее ногти длинные. А ногти – дело хорошее. А потом она посмотрела на меня и проговорила:

– Ну вот, Шлёпик, теперь только мы с тобой друг у дружки и остались.

А затем мы все втроем заснули.

Я родился в деревне. С годами запах хлева выветрился, но я все равно собака деревенская. В помете нас было шестеро. И родились мы в конце весны.

Папашу своего я не знал, но на этом давайте-ка, пожалуй, не станем заострять внимание. К психологии я вообще отношусь с недоверием. По крайней мере, к собачьей.

Мои братья и сестры постепенно, один за другим, исчезали, и меня ждала бы та же судьба, не родись я таким, какой есть.

Неправильный окрас.

Моя жизнь повернулась именно так потому, что морда у меня не того цвета, какой считается правильным. Только и всего. В моем случае так вышло, что белое пятно на морде – это единственный участок на всем мне, сплошь черном. Белое пятно на носу – и вот я уже собака второго сорта, неполноценная, непригодная к участию в выставках. Тот, кто остается, когда его братья и сестры распроданы.

Сбоку припека.

В те времена я этого, разумеется, не понимал. Будучи щенком, я радовался каждый раз, когда очередной соперник навсегда отваливал от миски с кормом. Хорошее это было время, и, помню, одно лето выдалось таким чудесным, таким полным ощущений и впечатлений, что когда выпал снег, мне казалось, будто я вообще снег впервые вижу.

Вместе со снегом началась новая жизнь или, точнее, новые жизни в виде новых братьев и сестер. Не спрашивайте меня, кто был отцом этой оравы, но с самого их рождения мое существование сделалось невыносимым. Мать, которая несколько месяцев ходила отстраненная и погруженная в себя, теперь стала ко мне откровенно враждебной. Лишь тот, на кого огрызалась и рычала его собственная мать, поймет, каково это.

Я и глазом не успел моргнуть, как из обожаемого единственного ребенка превратился в изгоя. Изгоя – это еще слабо сказано. Меня вообще в стаю не принимали. Брат и сестры вели

себя сносно, да и пахли неплохо, а вот с матерью отношения навсегда разладились. По-моему, эта травма навсегда со мной осталась, но, как я уже сказал, обойдемся без Фрейда. Да и без Павлова тоже, если на то пошло.

С утра до вечера в дом приходили люди разных видов и мастей, и все с одной целью – посмотреть на щенков! Все вернулось на круги своя, и я надеялся, что как только удастся избавиться от всей этой мелочи пузатой, возвратятся покой и стабильность. А матери рычание можно и простить или, в худшем случае, не попадаться ей на глаза.

Несмотря на разницу в породах и возрасте, почти все наши гости вели себя одинаково. Голоса их звучали ласково, сердце билось спокойно, а запах крови становился сладковатым. Все напевали вариации одной и той же мелодии, и все приходили, чтобы найти любимчика. Выбрать собаку. Сравнить этот процесс можно разве что с посещением детского дома, только в нашем случае за понравившегося ребенка еще и деньги придется заплатить.

А вот те, кто считает, будто завести собаку – это все равно что взять и родить ребенка, ошибаются на сто процентов. Если не больше! Лишь немногим людям (к сожалению!) доводится увидеть, как их собака появляется на свет, и еще меньше встречается тех, кто усыпляет собственное потомство и завершает таким образом любовную историю. И если пройдет сколько-то лет и ребенок – конечно, в лучшем случае – вырастет и свалит от вас и ваших тараканов, то псина остается с вами на всю свою жизнь – жизнь, в которой вы становитесь Господом Всевышним: подарю ли я моей собаке жизнь или лучше ее умертвить?

Именно тот безобразный конкурс красоты и открыл мне глаза на мои слабости. Потому что на меня смотрели, лишь вдоволь насмотревшись на мелюзгу, а заметив наконец меня, все задавали один и тот же вопрос: «А этот почему такой большой?» – за которым следовал один и тот же выдающий мелочность характера ответ о белом пятне на носу. Моя карта была бита, но даже и без белого пятна я проигрывал в сравнении с крошечными щенятами, до которых еще не дошло, что хвост, он всегда сзади, и что жизнь полна опасных закоулков.

говорили почти все, увидев щенков, но я никогда не мог понять, что под этим подразумевается. Мелюзгу чесали, похлопывали и гладили до умопомрачения. Дети и взрослые, женщины и мужчины – перед щенячьими чарами никто устоять не мог. Впрочем, меня тоже чесали и хвалили. Есть такое присловье: «Как с кокер-спаниеля вода», но на заре моей юности я чувствовал себя дряхлым слоном.

Когда я представлял, как попаду в руки приходивших к нам отвратительных детей, у меня до самого кончика хвоста хребет леденел. Неподготовленного ребенка до собаки допускать нельзя. У нас бывали и девочки, мечтавшие о кролике (!), но матери с отцом взбрело в голову подарить им собаку. Решение само по себе правильное, однако каково бедной псине, которой суждено вырасти кроликозаменителем? И что, если собака в один прекрасный день – может, став уже взрослой – поймет, что именно случилось?

Как бы там ни было, я рад, что стал свидетелем всей этой купли-продажи, и еще сильнее рад, что поначалу мое белое пятно, а потом и размеры меня от этого избавили. Я тогда и понятия не имел, что такое «выставка собак», но, едва услышав это слово, я вздрагивал.

Хотя взглянуть на выставку собак мне было бы интересно, однако от мысли, что я для такого не создан, мне становилось легче. Да, слово это порождало у меня в голове немало нездоровых фантазий.

Цинизма, которым проникнут процесс продажи щенков, я в юном возрасте – когда распродали тех, кто был со мной в одном помете, – не понимал. Не было бы счастья, да несчастье помогло, и от этого я ехидно усмехался в бороду. Жизнь моя шла лучше некуда благодаря тому, что люди, хоть и прожив десятки тысячелетий с собаками, не усвоили первой заповеди, пункта один-один в руководстве по применению:

«Не суди о собаке по окрасу».

Стоило ему войти в комнату, как я увидел, что он не такой, как все остальные обожатели живых плюшевых игрушечек. Он единственный пришел один. И был самый старший. И самый здоровенный. Едва порог переступил – и комната уже принадлежала ему, с этого момента правила придумывал он. Старый альфа-самец, предпочитающий бродить в одиночку. Как это растолковать, я в тот момент не знал, но, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, я любые новости по умолчанию считал скверными.

Единственный из всех, он не умилялся при встрече с нашей небольшой стайкой. Даже не издав привычного уже

он показал на меня и спросил:

– А с этим что не так?

Я снова вынужден был выслушать обоснование моей неполноценности. Покидать этот дом мне не хотелось, однако и унижение я терпел без восторга. Не дослушав объяснений, большой альфа-самец бросил:

– Полцены. Наличными.

Вот так Майор занял в моей жизни место хозяина.

Произошло это с невероятной быстротой, и я понял, что случилось, лишь впервые в жизни оказавшись в автомобиле. Сперва я полагал, будто двигается не машина, а пейзаж за окном, и из-за этого поездка превратилась в кошмар. Куда бы я ни сунулся, невидимые силы дергали меня во всех направлениях, пока я вообще не потерял ориентир. Желудок мой тоже растерялся. И вывернулся наизнанку. Обычно я такого себе не позволяю, но тут совсем отчаялся, поэтому тихо лежал в собственной блевотине, пока, сам того не зная, не очутился в Доме.

Измотанный и несчастный, я не особо запомнил первый вечер, а может, это пришедшие потом привычки стерли ощущение непривычного. Однако я много раз слышал рассказ о том, как в один прекрасный день Майор без предупреждения притащил домой, к фру Торкильдсен, которая уже тогда, задолго до болезни Майора, начала бояться, что тот умрет, вонючего щенка. О том, как меня вымыли в ванне, завернули в старый халат и сфотографировали. Фру Торкильдсен обожает показывать эту щекотливого свойства фотографию, причем даже мало-знакомым. Что мне нравится в этой истории, так это как фру Торкильдсен, подчеркнув, что собаку ей совершенно не хотелось, всегда заканчивает свой рассказ фразой: «Майор знал, что делает, когда решил завести Шлёпика!»

И когда она так говорит, я чувствую, что мое достоинство восстановлено. А для нас, собак, достоинство – это важно, хотя иногда, когда мы роемся в мусоре или вытираем зад о ковер, так и не скажешь.

Как известно, воспитание собак – не сказать чтоб целая наука. В кнут и пряник Майор не верил. А вот в кнут и кусочки мяса – наоборот. Это я не к тому, что он меня бил. Необходимости в этом не было. Ему достаточно было один раз ухватить меня за шкуру – и я все понял про его силу. А его сила – это моя сила. С собакой Майора Торкильдсена лучше не шутить.

Сперва Майору сделалось так плохо, что его положили в больной дом, куда собак не пускают, а потом он лишь ненадолго приезжал домой. В последний раз его забрали прямо посреди ночи. Так что можно сказать, мы – я и фру Торкильдсен – привыкли к мысли, что нас только двое. И тем не менее сейчас все иначе. Фру Торкильдсен сидит в своем обычном кресле у окна, а я – меня больше оттуда не гоняли – свернулся на обитом бычьей кожей Майоровом кресле, хотя пока Майор еще жил с нами, мне это строго воспрещалось. Мы с фру Торкильдсен столько вечеров вот так просидели – думали, что привыкли, но финишная черта стала вдруг стартовой. Как выяснилось, жизнь после смерти все-таки существует.

От Майора всегда пахло скорее ипритом, чем розами, но однажды к его основному запаху добавился еще один, едва заметный. Запах этот, почти невидимый, желтоватый, расплзался по комнате, он не только выходил у Майора изо рта, но и просачивался из пор кожи, когда Майор читал книгу о Войне. Майор вообще читал книги только о Войне, а фру Торкильдсен – все остальные книги. Такое у них было распределение обязанностей.

Диагноз «библиотекарь» поставили фру Торкильдсен уже во взрослом возрасте, но, вероятнее всего, она с ним родилась. Все симптомы были налицо с ранних лет. В детстве у нее имелись две толстые книги, переплетенные в оленью кожу (это я выяснил, ткнувшись в них носом) и полные волшебных историй, которых она никак не могла послушаться. Тогда ей приходилось их слушать, потому что читать она не умела.

Зажав книгу под мышкой, она брала в другую руку маленькую табуреточку и шла на улицу, а там просила всех подряд: «Вы мне не почитаете?»

– Люди тогда были бедными, – говорит фру Торкильдсен, рассказывая эту историю.

Она порой ее рассказывает, потому что Майор любил эту историю больше других. По крайней мере, фру Торкильдсен так считает. Сам я в этом не уверен – прежде чем делать по этому поводу какие бы то ни было выводы, я бы все же уточнил у Майора.

– Люди были бедными, но читать все умели.

Вряд ли мы были бедными, но мы читали – Майор, фру Торкильдсен и я. Я говорю «я», хотя технически я не читал. Собаки вообще читать не умеют. Но время от времени, совсем недолго, я, опьяненный тефтелями в соусе, укладывался на диван и сквозь дрему чувствовал, как Майоровы книги про Войну неслышно оседают у него в голове. Там, внутри, они превращались в шум, гам, картинки, запахи, страхи и неразбериху. Он часами сидел в своем бычьем кресле, и по нему ни за что нельзя было догадаться, что происходит. Если фру Торкильдсен, сидя с книгой, смеется и плачет, то Майор читал безмолвно, сердце у него билось одинаково ровно, вдыхал и выдыхал он с одинаковой частотой, страница за страницей, книга за книгой. Он читал так жадно и так основательно переваривал книги, что, думаю, тем, кто читал после него, ничего вкусенького уже не оставалось. Благодаря этому фру Торкильдсен примерно представляла, на каком месте Войны он остановился. Речь, кстати, о большой войне – не о какой-нибудь паршивой собачьей склоке.

Охотились мы втроем, все вместе. Выезжали за город, и я оставался сторожить машину, а они отвечали собственно за охоту. Сущий ад это был, вот что. Какой-то французский друг фру Торкильдсен считает, что ад – это люди. Но я бы сказал, что это сильно зависит от людей. А вот настоящий ад – это когда сидишь один в машине и ждешь. Сторожить машину, когда вокруг то и дело шныряют люди, – задание само по себе для собаки непосильное, поэтому я на всякий случай часто лаял. И еще очень переживал за охоту. Майор с фру Торкильдсен по мелочам не разменивались. Возвращались они всегда нагруженные говядиной, птицей, олениной и свининой, а сверху в тележке у них лежали еще и фрукты, грибы, зелень и овощи. Ну да ладно, если уж им так нравилось. Им и на рыбалке везло, и это чудесно, потому что рыбу ловить собакам не дано, а я рыбу обожаю. Будь я человеком, весь день сидел бы на берегу и таскал из моря копченую треску.

На моей памяти мы ни разу не вернулись с охоты с пустыми руками. Никогда миска моя не стояла пустой. По вечерам, поужинав, – во время такого ужина на пол перед моим носом чего только не падало – Майор с фру Торкильдсен сидели в темноте возле большого окна, пили драконову воду и до поздней ночи вели беседу.

Таким долгим мирным ночам пришел конец, но еду-то нам как-то надо добывать. Признаться, мысль эта доставляла мне беспокойство. Да, фру Торкильдсен обычно ездила на охоту вместе с Майором, и, насколько я знаю, охотится она не хуже него, но я как-то раз видел, что случилось, когда она наткнулась в подвале на крысу, и с тех пор в душе у меня зародились сомнения, что она нас прокормит. Да, Майор, как он любил подчеркивать, забил подвал всяческой снедью, которой хватит на год, – вот только что будет, когда год этот закончится, ведь фру Торкильдсен в одиночку охотиться не сможет? Меня мучила тревога, и тревожный пес быстро превращается в пса грустного. А грустный пес – кому он вообще нужен?

Тем приятнее было мое удивление, когда фру Торкильдсен вернулась в машину со своей первой охоты – я был вне себя от счастья, что снова ее увидел, – и принесла и рыбу, и птицу, и такие собачьи хрустелки в желтом пакете, на котором еще нарисован довольно неприятный джек-рассел-терьер, но которые при этом на вкус прямо-таки волшебные, да и плотные они как раз как надо.

Последняя вылазка в тот день была лучшая, потому что фру Торкильдсен взяла меня с собой. Этого я не ожидал, поэтому не сразу откликнулся, когда она вылезла из машины и сказала:

– Пошли!

Надо же – обычное слово, а какое прекрасное.

Я не совсем тупой и понимаю, когда лучше идти рядом, и тут как раз такой случай и выдался. Фру Торкильдсен решительно вела меня через толпу, и ее уверенность передалась мне.

В ноздри мне ударил знакомый и в то же время чужой запах. Фру Торкильдсен вела нас к источнику запаха, в самую глубь помещения. Там виднелся вход в пещеру, куда мы с фру Торкильдсен и направились, и совсем скоро я понял, где мы очутились. В Драконьем логове.

– Ну что ж, давай тележку возьмем, – сказала фру Торкильдсен.

Так мы и поступили. Я шагал сзади на поводке, а фру Торкильдсен медленно, но целеустремленно передвигалась по помещению и одну за другой брала с полок бутылки. Некоторые она ставила обратно на полку, а другие складывала в тележку. Когда тележка стала полна, фру Торкильдсен двинулась к выходу, и я уже предвкушал, как заберусь в машину и мы поедем домой, где после такой вылазки меня наверняка ждет какое-нибудь лакомство. Но это было бы слишком просто.

Сперва фру Торкильдсен выложила из тележки все ее содержимое и передала его мужчине за стойкой. Тот одну за другой трогал бутылки, а фру Торкильдсен объясняла ему, что ждет гостей, потому что ее супруг умер и надо устроить поминки. Похоже, такая причина его устроила. Мужчина за стойкой выразил свои соболезнования и вернул бутылки фру Торкильдсен. Но тут возникла новая задачка. Фру Торкильдсен сложила все бутылки в пакеты, и пакетов этих оказалось чересчур много – унести их все она бы не осилила.

– Боже мой, как же мне дотащить это все до машины? – спросила она, и мне захотелось ответить, что никак, вообще без шансов, хватай то, что тебе по силам, и давай-ка отсюда убираться побыстрее, однако тут откуда ни возьмись нарисовался какой-то хриплый бородатый юнец, который предложил ей помощь.

Фру Торкильдсен вообще ничего нести не пришлось – этот тип подхватил ее пакеты, и мы пошли к машине. Дорогой фру Торкильдсен рассказала, сколько успела, о себе, о жизни и даже обо мне чуть-чуть. И все рассыпалась в благодарностях. Она бы его вообще не отпустила, но у юнца, видно, и другие дела в жизни имелись, кроме как ее слушать.

Фру Торкильдсен не ест. С моим завтраком она запаздывает, а насыпав мне корма, сама вместо еды наливает себе стакан драконовой воды. На моей памяти она так рано ее никогда не пила. Впрочем, откуда мне знать? Может, когда твой муж умер, так и полагается делать. Сегодня она еще не пила. Пока. Сидит на табуретке и вертит в руке стакан.

Фру Торкильдсен посмотрела на меня, а я на нее, и, возможно, в голову ей пришли те же мысли, что и мне:

Кто из нас уйдет первым?

Мне шесть лет.

Фру Торкильдсен семьдесят пять.

Лишь немногим собакам хватает мозгов осмыслить цифры. Я бы сказал, что в цифрах они вообще ничего не петрят. Цифры нужны собакам разве что считать, а для среднестатистической собаки счет ограничивается следующими вычислениями:

Я.

Я и ты.

Стая.

Стая, ясное дело, бывает «маленькая» или «большая». Все, как известно, относительно. Я понимаю, что числа попадают маленькие и большие. Но на этом – все. Вот, например, «семьдесят пять» – я понятия не имею, большое оно или маленькое. Однако что пять комаров больше, чем четыре слона, – это я знаю. *Ergo est sum*²: семьдесят пять больше семидесяти четырех, да. Так мыслю. И то же самое, если слонов заменить на куриц, умножить на селедку и разделить на белых медведей. То, что я это понимаю, вовсе не означает, будто большинство собак тоже соображают так же хорошо. Спросите, например, шотландского сеттера – при условии, разумеется, что у вас получится хоть на секунду отвлечь его от аутофелляции, – будет ли один плюс один два, и вместо ответа вы получите придушенную птицу, потом еще одну и под конец – еще одну. Я не расист. Шотландские сеттеры не сообразительны. Только и всего.

Лично я намного сообразительнее собак в целом. «Милый, умный и легко обучаемый» – это у меня на морде написано, черным по белому. Не стану спорить. Умный. По крайней мере, по человеческим меркам. Чтобы люди считали тебя умным, собаке вообще особых усилий прилагать не требуется. Осилит «Сидеть!» и «Дай лапу!» – и ты уже близок к тому, чтобы тебя признали гением. Не стану кривить душой – такие заниженные требования мне по нраву. И я бесстыдно ими пользуюсь.

Итак, мои человеческие друзья считают меня суперсобакой. А вот в собачьей иерархии я располагаюсь довольно низко. Очень низко. Примерно на сто восемьдесят шестой ступеньке. Или на пятнадцатой. Возможно, на обеих. Помесь сто восемьдесят шестой и пятнадцатой. Я проигрываю по всем собачьим статьям. Сила, размер, инстинкты, нюх, агрессивность – по всем этим критериям я нахожусь так низко, что управляй миром собаки, и я не нашел бы себе самки. Это если бы я, несмотря ни на что, вообще не сдох бы в щенячем возрасте. Многие животные рожают сразу несколько детенышей по вполне определенной причине: в помете порой попадают и такие, как я. В естественной среде обитания у нас яички не успели бы опуститься, как мы уже стали бы лисьим кормом.

Лишь благодаря людям у меня есть еда, крыша над головой, чесалка для шерсти, коврик, тепло и любовь. Да, любовь. Любви мне надо много, и я совершенно честно это признаю. Я и взамен отдаю немало любви. Особенно когда вам это нужно. Собака для души. Декоративная собака-переросток, которой не повредило бы сбросить пару килограммов, но разве это возможно, когда у фру Торкильдсен заведено закармливать всех лакомствами?

И тем не менее я, как и все остальные собаки в мире, – волк. Где-то в глубине души я храню знания, необходимые волку, спрятанные за прослойками поколений, отделяющих меня от волков.

Волк в анамнезе.

Это вам не тапки грызть.

Если объяснять по-простому, то собачья память смахивает на вселенную. То есть по форме напоминает песочные часы. Так оно у всех собак. И у чихуахуа, и у сенбернара память примерно одинаковая, только размеры отличаются, однако в зависимости от особи пахнет память по-разному.

Многие наши воспоминания переданы нам по наследству вместе с загадочными инстинктами, которые, если разобраться, вовсе не загадочные. Понимаю, звучит это так, будто я – перенюхавший носков бриар, но все равно скажу: память – это непрерывный поток. В наиболее банальном проявлении ее можно наблюдать у бордер колли: чтобы действовать так, как человек пожелает, собакам этой породы вообще не требуется дрессировка. В бордер колли будто батарейки вставили – и вперед. И вот она бегаёт себе и бегаёт. Но счастлива ли она при этом?

² Я мыслю, значит, я существую (лат.).

В следующий раз, как увидите бордер колли с вытаращенными глазами и теннисным мячиком в зубах, поразмышляйте над этим. Волк, который вместо того чтобы сожрать овцу, сторожит ее, – по-вашему, на такого волка можно положиться?

Нередко, чтобы не сказать всегда, премудрости, которым меня учили в бытность мою щенком, оказывались лишь отчасти правдой, а чаще всего вообще полной чепухой. Например, вот эта: «Если у тебя забарахлил желудок, поешь дерьма!» В другое время и в другом месте такой совет наверняка сработал бы, однако в густонаселенных городах ничего у тебя не выйдет. Они по запаху это определяют – если ты, довольный и радостный, прибежишь домой с вымазанной дерьмом мордой. И реагируют они ужасно эмоционально. То самое дерьмо, которое они так тщательно подбирают, прячут в черные мешочки и послушно несут к дерьмонакопителю, почему-то вызывает у них бурное, вульгарное отвращение.

«Фу, какая мерзость!» – вопят они. Некоторые даже ударить могут, но и это не самое страшное. Намного хуже, что потом, после того как тебя унижительно окатили водой из шланга, ты осторожно ищешь общества своего хозяина и видишь, что тебя спустили на ступеньку вниз в иерархии. Нет, новых особей в стае не появилось, но ты вдруг находишься уже не там, где прежде. Ты словно в один миг скатился вниз. Одно дело – когда ты в самом низу иерархии, но веселый, и амбициозный, и полный надежд, и перед тобой открыта дорога на самый верх, и совсем другое – когда из-за неудачной выходки между тобой и всеми остальными появляется пропасть. И пропасть эта никогда не закроется. «Поешь дерьма!» – мудрость, которая в наших краях давно перестала быть мудростью. От нее остались лишь слова. А словам, как известно, лучше безоговорочно не доверять.

Они явились к нам после смерти Майора. Трое людей. Сперва я их не вспомнил, но пару раз нюхнул и понял, с кем мы имеем дело.

Мужчина был щенок фру Торкильдсен. Женщина – его сучка. А мальчишка – их общий кутенок.

Пожаловали они явно без предупреждения, и от этого фру Торкильдсен пришла в гнев, какого прежде я не видал. Чтобы понять это, даже и нюх не требовался. В ее нежном голосе зазвучал металл, а движения сделались какими-то угловатыми.

Они пришли помочь – сказав это, Сучка полезла к фру Торкильдсен обниматься, но той это было неприятно, и я насторожился.

По-моему, фру Торкильдсен гостям не обрадовалась. Как я уже сказал, выдавал ее голос. И еще она, по ее собственным словам, решила лечь пораньше, а прежде за ней этой скверной привычки не водилось.

В отличие от Майора и фру Торкильдсен, Щенок с Сучкой разговаривали только о том, что произойдет в будущем. О том, что необходимо сделать – так они сами говорили. Жизнь нельзя просто бездумно проживать, ее надо планировать, ей следует распоряжаться. *Когда?* Когда нас ждут в похоронном агентстве? Когда мы освободим гараж? Когда пойдем в церковь? Когда ты придешь в гости? Когда мы будем есть?

От того, как фру Торкильдсен и Сучка общались, я встревожился. Сучка виляла хвостом и старалась угодить. Возможно даже, чересчур старалась. Ей очень хотелось понравиться фру Торкильдсен, однако фру Торкильдсен, которую я до этого момента назвал бы дамой дружелюбной и отзывчивой, отказывалась идти Сучке навстречу. Она, будто объевшийся сытый лабрадор, не обращала на Сучку внимания. Это сравнение тут неслучайно. Манипуляции, к которым прибегла фру Торкильдсен, очень похожи на те, что суки постарше применяют по отношению к молодым. Итог был такой же: Сучка теряла уверенность и делалась все более нескладной.

На мой взгляд, похороны вышли сущее разочарование, но это, видно, я сам виноват – чересчур многого от них ждал. Возможно, меня ввело в заблуждение само слово «похороны». Мы, собаки, привыкли «захоранивать», то есть закапывать всякие мертвые предметы, поэтому я навоображал, что мне в этой церемонии тоже отведут определенную роль, однако все вышло иначе. Похоже, фру Торкильдсен сама собралась его закапывать.

– Сиди тут, – совершенно бесстрастно сказала она, закрывая дверь и отправляясь на Майоровы похороны.

Вот и все на этом.

Спустя пару дней стайка уехала. Тот день я запомнил, потому что речь зашла о человеке, который сыграет немалую роль в нашем будущем. Он станет важной персоной в жизни фру Торкильдсен после смерти ее мужа.

– Не забудь, что в четверг придет Кабельщик, – сказал Щенок своей матери, направляясь к выходу.

– Не нужен мне никакой Кабельщик, – заупрямилась фру Торкильдсен.

Я особой потребности в Кабельщике тоже не испытывал, но Кабельщик все же пришел, и, как Щенок и предсказывал, явился он в четверг. Человеком он оказался очень приятным. Молодым, волосатым и к собакам имел подход. За ухом он чесал отменно, а это уже немало. Фру Торкильдсен угостила его кофе с коричневыми рогаликами, хотя тот стал было отказываться. Кофе он все же отхлебнул, а затем, наверняка чтобы старуха отвязалась, откусил и рогалик. Вот тут-то паренек и пропал. Фру Торкильдсен это, разумеется, понимала – впрочем, думаю, действовала она без злого умысла. Закончилось дело тем, что Кабельщик, совершенно одурманенный коричневыми рогаликами, не внял робким возражениям фру Торкильдсен и вместо одного кабельного канала подключил целую кучу. На прощанье Кабельщик получил немалый пакет рогаликов, и все это было очень мило, вот только когда он ушел, фру Торкильдсен посмотрела на меня и проговорила:

– Господи, что же мне делать с такой кучей каналов?

Ну а мне-то откуда было знать ответ?

Большие перемены приближались маленькими шажками. Фру Торкильдсен выяснила, что больше всего ей нравится смотреть телевизор по утрам. Так оно и повелось. И если прежде они с Майором садились смотреть новости в строго отведенное для этого время, то сейчас по утрам она смотрит программу, в которой я совершенно ничего не смыслю, но которая фру Торкильдсен, судя по всему, доставляет удовольствие. В программе этой люди в основном болтают о чем-то, для меня совершенно непостижимом. Старики и молодые, мужчины и женщины – они встречаются каждый день, чтобы болтать, кричать и плакать, а фру Торкильдсен на все это смотрит.

Поскольку сам я ни бельмеса в их разговорах не понимаю, фру Торкильдсен всегда любезно пересказывает мне содержание программы. А там прямо ух какие страсти разгораются! Прямо наглядная, довольно отвратительная демонстрация человеческих проблем.

«Насилие над ребенком или несчастный случай?»

«Почему моя мать притворяется, будто у нее рак?»

«Моя дочь, которой двадцать один год, полностью зависит от своего парня, а тот ревнивый тиран, да еще и употребляет героин».

«Можно ли мне развестись с больной женой?»

«Мой муж ударил меня деревянным половником – а теперь хочет, чтобы я же и извинилась!»

И, разумеется:

«Я ударил свою жену деревянным половником – пускай она теперь извиняется!»

Каждый день приносит новые задачи, новых людей, которые плачут и выворачивают наизнанку душу так, как в доме фру Торкильдсен на моей памяти никто не делал, да и сама фру Торкильдсен, по-моему, такое вряд ли стала бы терпеть. Несмотря на это, фру Торкильдсен передача, похоже, нравится. Она заранее наливает себе термос чая и делает бутерброды с сыром – тут мне возле стола непременно перепадает кусочек чего-нибудь вкусенького. А фру Торкильдсен уже в предвкушении.

– Пойдем, Шлёпик, смотреть про доктора Пилла, – зовет она меня.

Я следую за ней в гостиную, где фру Торкильдсен садится перед телевизором. Сперва играет музыка, и фру Торкильдсен рассказывает, о чем будет сегодняшняя передача. Больше я от нее ни слова до конца передачи не слышу.

– Уфф! – говорит она, выключив телевизор.

Обычно этой репликой она и ограничивается, но иногда пускается в долгие объяснения, от которых кровь в жилах стынет, причем вывод фру Торкильдсен делает тот же, что и посмотрев новости. Все рушится, летит ко всем чертям.

Собственная жизнь фру Торкильдсен намного спокойнее, чем страсти, которые показывают в шоу доктора Пилла. У тех, с кем она разговаривает по телефону, тоже, разумеется, бывают проблемы, но проблемы эти в основном связаны со старостью. У кого-то сердце сбоят, кто-то шейку бедра ломает, а кого-то дети не навещают. Никакого насилия, никаких испепеляющих душу чувств, никаких наркоманов, лишь скучные проблемы – чтобы забыть их, как раз и смотрят телевизор. Впрочем, жаловаться – дело неплохое, особенно когда жаловаться не на что, поэтому фру Торкильдсен слегка кривит душой и говорит, что ее тоже никто не навещает. Во-первых, это неправда, а во-вторых, думаю, она просто хочет успокоить собеседника.

Ее Щенок навещает нас то и дело и говорит преимущественно о цифрах. Когда у него есть время – а такое бывает редко, – он и от чашки кофе не отказывается. Однажды он зашел в гостиную и позвал меня с собой в машину. К моему удивлению, фру Торкильдсен не возражала.

Я сперва растерялся, а потом, когда мы со Щенком отъехали от Дома, то и испугался. Без фру Торкильдсен мне сделалось не по себе. После смерти Майора я впервые с ней расстался. А уж когда я учуял в машине запах ружья, то совсем распереживался.

Оружие в машине меняет если не все, то очень многое. Мы чего, на войну едем? Или на охоту? Или по другим делам? Я нервничал, меня мучило неприятное предчувствие надвигающейся катастрофы, однако чуть позже я понял, что вот-вот произойдет нечто в буквальном смысле слова великое. Стекло со своей стороны Щенок опустил, и в машину хлынули все запахи мира. Сориентироваться в них было невозможно, поэтому оставалось лишь дышать полной грудью.

Когда до меня дошло, что я впервые в жизни не останусь в машине, а по-настоящему пойду на охоту, я, к стыду своему, слегка съехал с катушек. Фру Торкильдсен несколько раз водила меня во всякие места, которые я по простоте душевной принимал за лес. Ну то есть там росли деревья и трава. Суть одна и та же, и тем не менее тут все было иначе. Деревьям, растениям, запахам и звукам не было конца. И повсюду жизнь: шорохи, потрескивание, запахи, оркестры крошечных животных, и никаких собак кроме меня. Мой лес.

Майор всю свою жизнь хранил целую коллекцию оружия, но на моей памяти он ни разу не выстрелил. Оружие он запрятал в самых удивительных местах – пистолет, например, в прихожей, в ящике с носками, а помповый дробовик лежал под кроватью, на которой спал Майор. Не припомню, чтоб он из чего-нибудь стрелял.

Когда прогремел первый выстрел, я обмочился от страха. Ничего подобного я еще не слышал. Вздвигнув, я тут же забился в кусты, но не успело стихнуть эхо, как выстрел этот пре-

вратился для меня в непобедимый клич нашего племени, и после второго выстрела я предвкушал третий.

Я охотился в лесу, Щенок фру Торкильдсен охотился в лесу, оба мы мочились на деревья, помечая территорию, и день был чудесный, пока я не поднялся на очередной холмик. Щенок безнадежно отстал. Я уже спускался с другой стороны холма, когда Щенок понял, что происходит. Он закричал, принялся звать меня, и в четырех стенах голос его наверняка звучал бы властно, но здесь, среди деревьев, казался слабеньким и хилым. Из-за запаха, сгущавшегося все сильнее, крики я едва слышал. Обычно стоит мне почуять новый интересный запах, и меня не удержать, а такого сложного и интересного запаха, как в тот момент, я в жизни не встречал.

А потом в моем маленьком собачьем мозгу сработала тревожная кнопка. Возбуждение и эйфорию острой иголкой пронзил страх. Запах шел из кустов прямо передо мной, но желание сунуться туда угасло в зародыше. Замешкавшись, я решил не бросаться внутрь, теперь мне казалось более разумным отступить, потому что импульс был более чем ясным: бойся!

Да, запах этот был с изюминкой, так пахнет существо, которому едва ли знаком страх и которое бесстрашно берет свое. Вообще-то, задирая заднюю лапу, мы все пытаемся доказать то же самое, но некоторым даже самих себя не обмануть. Я, например, унюхав в парке лужу, сделанную злобным стаффордширом, естественно, с отвращением стараюсь набрызгать сверху, однако мне и в голову не придет вступить с этим самым стаффордширом в схватку за территорию.

Да, в моей жизни встречалось немало столбов, запах которых приказывал мне бояться, но по-настоящему меня не напугал ни один из них. Больше всего на свете я боюсь страха, вот только я и предположить не мог, что страх в своем чистом проявлении пахнет Волком.

Про волков я слышал, просто не осознавал, что они и впрямь существуют. Среди городских собак вообще бытует мнение, будто волк – это некое мифическое существо. Я их прекрасно понимаю, особенно если это живущие в городе охотничьи собаки. Мне хотелось верить, что волк существует, я лишь был не готов к тем чувствам, которые испытаю, поняв, что он действительно есть. Именно в тот день я и узнал, что кроется за ранее бессмысленным для меня выражением «счастливое неведение».

Источником запаха был здоровенный камень, еще не высохший. Я медленно приблизился к нему, и с каждым шагом запах менялся, а с ним менялся и мир. Здесь я слышал воинственный вой и загадочные истории, которым суждено жить вечно. Кровожадное желание до последнего всхлипа защищать свою территорию и непреклонную волю биться дальше. Важность луны. Как убить змею. Леса знаний. Леса страха.

Я согласен был всю оставшуюся жизнь этот камень нюхать и навсегда там и остался бы, но рядом вдруг нарисовался Щенок. Он ухватился за мой ошейник с неопишуемым неуважением и огрел меня по морде так, что перед глазами у меня заплясали звезды и месяц. Охота закончилась.

Домой я возвращался, лелея в сердце, наверное, лучшее воспоминание за всю мою не особо грешную собачью жизнь, высоко задрав хвост и запечатлев новый запах. В машине я, впервые с давних времен, сблевал, и за это мне тоже дали нагоняй, однако не сильный. Когда мы приехали, меня окатили из садового шланга и смыли все наиболее приятное, но запах Волка сохранился во мне навсегда. Запах Волка – одновременно самое окрыляющее и самое унижительное, что мне довелось испытать.

Домой с охоты мы вернулись без добычи, Щенок был разочарован и старался это скрыть. Утешая его, фру Торкильдсен угостила его коричневыми рогаликами и налила чашку кофе. Щенок назвал меня бестолковым охотником, но я-то лучше знаю: во мне живет охотник. В ту же секунду во мне зародилось пугающее подозрение: а что, если фру Торкильдсен вовсе не ходит на охоту?

Разве не странно, что Щенок, сильная и относительно молодая мужская особь, не добыл нам ничего вкусенького, а старая фру Торкильдсен убивает столько зверя, сколько даже унести в одиночку не может? И чем больше я над этим размышлял, тем сильнее тревожился. Похоже, фру Торкильдсен вовсе не охотится и не убивает добычу, а вместо этого приносит домой то, что не доели настоящие хищники. Боюсь, фру Торкильдсен – не более чем обычная падальщица.

На этом моем уважении к фру Торкильдсен вполне мог прийти конец, раз и навсегда. Если бы мне захотелось отнять у нее роль вожака нашей маленькой почти-стаи, то, наверное, у меня получилось бы. Возможно, я и некрупный, но когда надо, и зубы оскалю, и зарычу утробно (к тому же размер особой роли не играет – достаточно вспомнить, в какой ужас приводят фру Торкильдсен крысы). Запрыгнуть во время завтрака на стол и, оскалившись, зарычать фру Торкильдсен прямо в лицо – думаю, вступать в схватку она не стала бы. А оружия у нее нет.

С другой стороны, я почти уверен, что поступать так не стану. Это же до крайности удобно – каждый день тебя кормят и ты не беспокоишься о том, чтобы найти безопасное местечко для ночевки. Дело даже не столько в сытости, сколько в покое: когда не знаешь тревоги, то мысли свободны и можно раздумывать над другими вопросами. Появляется время философствовать. Правда, философствовать не каждой собаке полезно. Как придете в парк, обратите внимание: вот они бредут на провисшем посередине поводке, погруженные в размышления о подлой судьбе собачьего рода, но при этом презираемые себе подобными.

Фру Торкильдсен перестала водить машину. Почему – не знаю, как не знаю и почему это произошло именно сейчас, когда наше новое существование приобрело наконец ритм и форму. Возможно, она вспомнила свои собственные слова, которые сказала Майору, – о том, что он чересчур старый и дряхлый, чтобы сидеть за рулем. Я это хорошо запомнил – не сами слова, а то, как Майор на них отреагировал. Вообще-то я особо к их беседе не прислушивался и уши наострил, лишь когда от Майора пошел вполне определенный запах – сразу после того, как фру Торкильдсен завела про «водить машину».

Они в тот вечер сидели на своих привычных местах, и она начала, как обычно начинает, когда говорит о чем-нибудь важном, – вспомнила случай с кем-то из родственников или знакомых. А уж там есть где разгуляться. Какая-нибудь трагически овдовевшая двоюродная сестрица, охочий до адреналина племянник или супруг троюродной сестры, отдавший богу душу прямо за рулем снегоуборочной машины после двухдневного снегопада.

Историей, в которой на первый взгляд рассказывалось о каком-то старике из Сандефьорда, свалившемся с лестницы и едва не отправившемся к праотцам, фру Торкильдсен предварила рассказ о том, как она переживает за здоровье Майора. Она знала Майора достаточно хорошо и понимала, что все это не произведет на него ни малейшего впечатления, однако и эти аргументы были лишь очередным этапом на пути к ее главной цели: донести до Майора известие, что она все сильнее боится каждый раз, когда мы едем куда-нибудь на машине.

Даже мопс со скверным нюхом учуял бы исходящую от фру Торкильдсен тревогу, усиливающуюся по мере того, как приближалась следующая наша вылазка на охоту. В машине она тотчас же затягивала свое туловище ремнями (сам-то я по-прежнему вцеплялся в сиденье лапами), а говорила сухо и отрывисто. Дышала фру Торкильдсен быстро, и сердце у нее колотилось тоже чаще. Когда мы приближались к перекрестку, она задерживала дыхание и не дышала, пока перекресток не оставался позади, а тогда порой издавала тихий, едва слышный стон.

В конце концов Майор прекратил водить машину. Нет, он не положил этому конец раз и навсегда и не отдал ключи, просто за руль, если мы оправлялись на охоту, все чаще садилась фру Торкильдсен, и, как оно обычно и бывает, вскоре всем начало казаться, будто таков

давно заведенный порядок. Они поменялись сиденьями, и от этого распределение обязанностей между ними тоже изменилось. Когда машину вел Майор, беседу поддерживала фру Торкильдсен и она же продумывала маршрут. Майор лишь коротко отвечал ей, и фру Торкильдсен пользовалась тем, что слово было за ней. Теперь же роли распределились иначе.

Сейчас вместо машины у нас сумка на колесиках, ее фру Торкильдсен вытащила из подвала. Неприятная синяя сумка на колесиках, которую фру Торкильдсен одной рукой тянет за собой, когда мы куда-нибудь направляемся. В другой руке она сжимает мой поводок, а больше рук у фру Торкильдсен, к сожалению, нет, и проблему эту она решила неудачно – иногда привязывает мой поводок к сумке. Мне это не нравится. С виду похоже, будто фру Торкильдсен выгуливает сумку, а сумка выгуливает меня. Что-то вроде собачьей упряжки наоборот – спереди человек, а сзади собака. А это неправильно. И это вопрос достоинства.

Сумка на колесиках фру Торкильдсен как раз впору. Когда мы несем драконову воду, то обходимся без посторонней помощи. Объяснив мужчине за стойкой, на что ей в этот раз понадобилось столько драконовой воды, она загружает сумку бутылками в таких количествах, каких в руках ей никогда не донести, после чего мы выдвигаемся домой. Естественно, это занимает немало времени, но время – это не проблема. То есть не для нас с фру Торкильдсен. Тем более что фру Торкильдсен приобрела пару волшебной обуви. Обувь эта огромная и белая, намного больше всей ее остальной обуви, но в то же время она намного легче любой другой обуви. Из антилопьем шкуры. Паслась себе в саванне антилопа, паслась – и могла бы и дальше щипать травку, если бы пожилой женщине с севера не вздумалось избавиться от машины. Просто непостижимо. Но обувь отличная. Как раз для того, чтобы хорошенько погрызть. Ничего, надо только терпения набраться.

Отсутствие машины стало для меня, заядлого любителя прогуляться, настоящим благословением, хотя прогулки связаны с некоторыми требованиями ко мне и определенными сложностями, которых мы, собаки средних размеров, не любим. Окраинцы, например. Не начав гулять, я не знал, что наши излюбленные места для охоты расположены в другом городе. Сидя в машине, никаких границ не замечаешь, не думаешь, что Центр находится в определенном месте, а место это очень далеко, но когда идешь пешком, то словно пересекаешь невидимую границу. Перешагнул ее – и очутился на окраине.

Окраинцы живут не так, как мы с фру Торкильдсен, не в отдельном доме за белым заборчиком. На Окраине заборчиков никаких вообще нету и дома не поодиночке стоят, а составлены штабелем друг на дружку. Штабеля получаются такими высокими, что меня даже тошнит, когда мы идем к Центру.

Одно спасение – опустить голову и смотреть на асфальт. Так как окраинцы обходятся без заборов, можно было бы предположить, что Окраина – сущий рай для собак, им еще и не требуется дома сторожить, ведь такие огромные дома сами за собой способны присмотреть. Тем не менее собаку тут увидишь редко, да и те все чинно вышагивают на поводке. Между домами здесь полно места, но никто не гуляет. Впрочем, что собак в Окраине полно – в этом сомнений нет, думаю, если бы фру Торкильдсен встала на четвереньки и понюхала столб, даже она бы это почуяла. Унюхать-то я их унюхал, а вот видеть не вижу, и поэтому возникают вопросы: видят ли они меня? Прячутся за занавесками в этих высоких домах и наблюдают за каждым моим движением? Следует ли мне встревожиться?

Ответ на последний вопрос – да. Как собаке мне следует слегка встревожиться. По моему, это часть имиджа. Сложность лишь в том, что новые сложности и причины тревожиться появляются все время. Меня, например, никогда не подвергали такому ужасному испытанию, такому унижению, как торчать в одиночестве привязанным на улице. Пока фру Торкильдсен не бросила водить машину. В первый раз, когда это случилось, я, признаюсь к стыду своему,

слегка с катушек слетел. Совсем слетел, если уж начистоту. Возможно, оттого, что случилось все чересчур быстро и без предупреждения. Вот мы идем по улице, дышим чудесным осенним воздухом, свежим и прохладным, – а в следующую секунду я уже стою один, привязанный и покинутый.

– Побудь тут, Шлёпик, – только и сказала она, уходя.

Ужасные слова, такие грубые и сбивающие с толку, что мне пришлось переосмыслить всю ситуацию, чтобы хоть как-то принять ее. И так, я должен стоять здесь, привязанный, в почти незнакомом месте, без фру Торкильдсен, и, возможно, в обозримом будущем это не закончится. Жизнь перевернулась вверх тормашками. Я подумал, что, наверное, этого следовало ожидать. Когда Майор забрал меня, жизнь в одну секунду перевернулась, а сейчас эта жизнь – а заодно с ней и фру Торкильдсен – пропала. От растерянности я даже не способен был выскулить свои страхи и печали. Никогда прежде я не испытывал такого ужаса и сперва даже не заметил вони, которой была пропитана земля подо мной, какофонии запахов, оставленных бесчисленным множеством собак, кричащих одно и то же:

Один!

Я был далеко не первый испуганный пес, которого тут привязали. Забавно, но в самые одинокие минуты моей жизни я был вовсе не один. Я оказался кусочком огромного пазла псин, томящихся на привязи и умирающих от тревоги, и я будто бы слышал их плач, их поскуливанье, их испуганный лай.

И в этой стае моих бессильных предшественников я и обрел силы. Четыре лапы на земле. А позади задница. Только и всего. Тогда я и осознал, что фру Торкильдсен делает это не из жестокости, и это меня слегка успокоило, хоть я и не был уверен, что она вернется и заберет меня. «Вернуться» – слово вообще какое-то замороченное.

Когда она наконец вернулась, я, естественно, прыгал от радости. Таким счастливым я, кажется, раньше и не бывал и постарался сделать все, что в моих силах, чтобы донести это до фру Торкильдсен. Прыгал, пританцовывал, крутился и вилял хвостом. Улыбался своей очаровательнейшей улыбкой и вьюжил возле ее ног, насколько хватало поводка, потом поднялся на задние лапы, а передними уперся в ноги фру Торкильдсен, – я такое пару раз позволял себе проделать с Майором. Но, к моему огромному удивлению и разочарованию, в отличие от Майора, всегда говорившего «Хороший мальчик!», фру Торкильдсен бросила: «Фу!» – и оттолкнула меня, так что я едва на спину не грохнулся. Я растерялся. Да и как тут не растеряться? Между людьми и собаками существует одно пугающее сходство: растерянная собака может легко превратиться в собаку опасную.

Майор был из тех людей, кто до растерянности не доводит. Язык тела он понимал. Приведу пример. Случилось это происшествие сразу после того, как я поселился у этой парочки, – в те времена меня при желании можно было еще назвать щенком. Мы трое тогда впервые принимали в гостях человеческого детеныша. По-моему, ни Майора, ни фру Торкильдсен происходящее совершенно не трогало, а вот меня это непонятное существо слегка сбивало с толку. Сочетание отвратительного запаха и резких, непредсказуемых движений приводило меня в замешательство, поэтому я на всякий случай решил немного порычать. Нет, я даже и зубыто скалить не думал, а издал тихое, почти неслышное – я бы даже сказал, пробное – рычание, но стоило мне зарычать, как меня вдруг отшвырнуло на спину, кверху лапами, а Майор стоял надо мной. Ему оставалось лишь вонзить зубы мне в горло и покончить со мной раз и навсегда, но, как вы понимаете, этого он делать не стал. С тех пор на человеческих детенышей я не рычал, каким бы уместным и заманчивым мне это ни казалось. Вот это я называю успешной коммуникацией.

Фру Торкильдсен же меня совершенно недостойно выбрала. Недостойно ее самой, не меня. Достаточно было скомандовать «Фу!» – по интонации я догадался обо всем, что мне надо знать, но этим она не ограничилась. Всю дорогу домой – кстати, неблизкую – фру Торкильдсен

то и дело называла меня «злой» собакой, чем ужасно меня обидела, ведь кому-кому, а уж ей прекрасно известно, что никакой я не злой. У нас с фру Торкильдсен, можно сказать, с коммуникацией сложновато.

Когда Майор был жив, фру Торкильдсен порой ходила по воскресеньям в церковь. Вернее, говорила, что ходит в церковь, но меня с собой она не брала, поэтому наверняка я не скажу. Возможно, она ходила еще куда-то. По крайней мере, когда она возвращалась, ничем особо церковным от нее не пахло – может, оттого, что как пахнет церковь, я не знаю. Я оставался дома и вместе с Майором Торкильдсеном читал книги про Войну, и он, как обычно, оставаясь дома в одиночестве, с присущими военным четкостью и напором совершал набег на холодильник. Ну и мне тоже перепадали лакомства. Славные деньки были.

Сейчас нас с фру Торкильдсен оставили дома одних, и славным денькам пришел конец. После того нелепого случая с привязыванием и бранью я чувствовал себя глубоко оскорбленным и расстроенным. Фру Торкильдсен не оправдала себя ни как собачий друг, ни как человеческий, и меня это разочаровало, однако больше всего меня разочаровал я сам, потому что я не способен был дать ей тот же покой и умиротворение, какие давал ей Майор, даже лежа на смертном одре.

Не будь фру Торкильдсен такой бесконечно несчастной, она ни за что не обошлась бы так со мной. А несчастной она была уже долго. Вечера, которые прежде были логическим, завершающим день аккордом, теперь заканчиваются бездарно. Происходит все примерно так: фру Торкильдсен напивается драконовой воды и болтает по телефону, после чего молча сидит и, глядя в окно, пьет дальше. Бывает, она спотыкается, а порой и падает и время от времени засыпает на полу в ванной и просыпается не сразу. Вздрогнув, она открывает глаза и, будто собака, на четвереньках бредет к кровати.

После таких вечеров спит фру Торкильдсен долго.

Но из-за чего же фру Торкильдсен так несчастна?

Если б я был кошкой, мне было бы до лампочки. Фру Торкильдсен не забывает давать мне еду, пить из унитаза мне тоже не приходится, меня гладят, и чешут, и дважды в день выгуливают. Жаловаться не на что. В отличие от фру Торкильдсен, но она, в свою очередь, тоже не жалуется. Разумеется, своим кузинам по телефону она рассказывает и про одиночество, и про ревматизм, и про плохой слух, но все равно вроде как не жалуется. По крайней мере, не напрямую. Стоит ей почувствовать, что слова ее похожи на жалобу, как она тотчас же переводит разговор на тех, кому, по ее мнению, еще хуже.

Вот так, сказала бы фру Торкильдсен, и пролетают дни. Хотя, скорее, идут – ходят они довольно уверенно по улице и спотыкаются дома. Идут в том же темпе, что и висят на кухне часы – те, у которых стрелка не останавливается. Бывает, ее не слышишь и внимания на нее тоже не обращаешь, а потом она словно бросается на тебя и принимается тикать, а за ней и остальные, и вот они тикают и тикают, пока с ума не начнешь сходить.

А вообще в доме стало совсем тихо, и я с этим ничего поделать не могу – ну почти не могу. Мне как сторожевой собаке следовало бы расширить репертуар. Сторожить более усиленно. Поэтому я слегка экспериментирую – лаю в тех случаях, когда прежде не лаял.

Я и прежде лаял, когда звонили в дверь, но теперь решил лаять и на телефон. Строго говоря, лаять тут особо больше не на что – если, конечно, я не хочу превратиться в брехливую шавку, каких всегда презирал, из тех, что встают на задние лапы и облаивают в окно все, что движется.

Фру Торкильдсен мои старания не ценит. Когда я только начал внедрять мои нововведения, она было вновь завела про «злую собаку», но вышло как-то невыразительно, и к тому же

ей надо было снять трубку. Когда она подняла трубку, я еще гавкнул, чтобы звонивший, кем бы он ни был, не сомневался: фру Торкильдсен находится под моей защитой.

Фру Торкильдсен, спотыкаясь, добрела до стула, уселась на него и уснула прямо перед окном. Задремезжал телефон, я вскочил на лапы и во всю глотку залаял. Фру Торкильдсен встала, покачнулась и растерянно заозиралась, прямо точь-в-точь новорожденный кутенок. Затем резко опомнилась и, стряхнув оцепенение, двинулась к телефону в прихожей, а я все лаял и лаял. Нет, истеричным мой лай не назовешь, вот уж никак не назовешь, скорее требовательным. Лай-тревога. Пошатываясь, фру Торкильдсен доковыляла до телефона, подняла трубку и, по своему обыкновению, проговорила:

– Двадцать восемь ноль шесть ноль семь... – Пес ее знает, что это все значит.

А потом она добавила:

– Алло? – и умолкла, а я перешел с громкого лая на редкое подбрехиванье.

– Алло? – повторила она, и голос у нее сделался каким-то резким, поэтому мне следовало бы насторожиться.

Посмотри я на нее – и заметил бы летящую прямо в меня газету, но я замешкался, и брошенная фру Торкильдсен газета попала в цель.

Я немедленно прекратил лаять, разочарованный тем, что добрая и сердечная фру Торкильдсен снова прибегла к насилию, даже не предупредив меня. Вынюхать, какие чувства обуяли фру Торкильдсен, обычно такую понятную, у меня не получилось. Для игры удар был чересчур сильным, но настоящего гнева ей не хватило, поэтому боли она мне не причинила. Однако от неожиданности я испугался. И посмотрел на фру Торкильдсен. А она посмотрела на меня. Я уперся в нее взглядом. И гавкнул. И тогда она медленно осела на пол, привалилась к входной двери и зарыдала. По щекам у нее катились слезы, и я наконец отчетливо ощутил запах страха. Не скажу, что я обрадовался, увидев ее несчастье, но облегчение испытал. Потому что плач – это явление, на которое я могу повлиять.

Ну будет, будет, успокаивал я ее, тычась носом в ее мягкую шею и приговаривая, что все будет хорошо, все будет хорошо. Покрасневшими глазами фру Торкильдсен посмотрела на меня.

– Ты правда так думаешь, Шлёпик? Все будет хорошо?

Что она обращается ко мне, я понял лишь через пару секунд, потому что голос у нее совершенно изменился. Она говорила не тем резким голосом, которым называла меня «злой собакой», и не тем будничным, которым комментировала наши с ней повседневные заботы. Именно по такому голосу, как сейчас, я и тосковал с тех самых пор, как умер Майор Торкильдсен, – этот голос словно специально предназначался для нашей маленькой стаи.

Да, ответил я, *по-моему, все будет хорошо.*

Я сказал это, потому что действительно так думал, но честно признаться, я и сам был не уверен, что такое это «все». Да я и сейчас не уверен.

Когда мы сегодня вечером вернулись домой, утомленные приключениями и клюющие носом, дома нас ждали Щенок фру Торкильдсен, Сучка и их Кутенок. Я, разумеется, из кожи лез, чтобы они чувствовали себя как дома, а как же иначе-то? Я вилял хвостом и ползал по ковру на брюхе, но Щенок с Сучкой не обращали на меня внимания. А Кутенок вообще на всех плевать хотел. Щенок сказал, что они нас заждались, а Сучка с улыбкой спросила:

– Вы про нас забыли, да?

За вопросом последовало долгое молчание, достаточно долгое, чтобы фру Торкильдсен, и без того удивленная, занервничала. Я услышал ее дыхание. Она метнулась было на кухню – кофе варить, но Щенок ее остановил.

– Сегодня из банка звонили, – сказал он.

Фру Торкильдсен на секунду замерла, однако тут же зашагала дальше на кухню. А почему бы, собственно, и нет? Сам же я не знал, куда бежать – то ли тыкаться мордой в фру Торкильдсен и успокаивать ее, то ли слегка повеселить оставшихся в гостиной, а то напряжение там повисло такое, что вот-вот весь дом взорвется. Я даже раздумывал, не принести ли почивший в Бозе мячик.

Мне достаточно было сунуть нос на кухню, как я сразу же понял, что с фру Торкильдсен все путем. Ну или почти путем. Впрочем, оно и так понятно: на кухне фру Торкильдсен как рыба в воде. Там она смешивает печаль и некоторые простые ингредиенты и варит, жарит и выпекает радость. По крайней мере, раньше это у нее отлично выходило. Поэтому я быстро прошлепал обратно в гостиную, твердо намереваясь разогнать тамошнюю тоску, а уж развеселятся они или разозлятся – это дело десятое.

– Скажи ей! Ты должен! – шипела Сучка, когда я вбежал в гостиную. – Сейчас же! – И было в ее манерах нечто такое, отчего я тут же притворился невидимкой.

Щенок стоял, повернувшись к ней спиной, и делал вид, будто рассматривает книги в шкафу возле камина. Мелкий Кутенок сидел на диване, уткнувшись в какой-то приборчик. Даже если бы тигр вбежал, ему и то невдомек было бы.

– Мы же и так знаем, что она ответит, – вроде как слегка устало бросил Щенок, – она скажет, что останется тут, пока ее вперед ногами не вынесут.

– Надо было действовать, пока твой отец был жив. Его она послушалась бы. А сейчас тут просто какой-то хренов мавзолей. Сто девяносто шесть квадратных метров для старухи и ее псины – это же абсурд какой-то!

Она на секунду умолкла, а потом злобно выплюнула сквозь стиснутые зубы:

– Три гаража!

Я растерялся: надо же, три гаража почему-то хуже, чем один, однако магия цифр и тут не поддалась мне. Сучка опять помолчала, но Щенок фру Торкильдсенничего не ответил, поэтому она добавила:

– Этот дом будет наш!

Последние слова, значит.

Они молчали, пока фру Торкильдсен не вкатила в гостиную изящную сервировочную тележку. «Лучше умереть, чем бегать по сто раз! – говорит фру Торкильдсен всякий раз, когда у нее возникает потребность воспользоваться этой тележкой. – Вот он, девиз настоящего официанта!» Она и сейчас это сказала. А фру Торкильдсен в роли официанта – человек счастливый и довольный жизнью.

Освободив одним-единственным движением стол в гостиной, она принялась переставлять на него с волшебной тележки сахарницу и молочник, тарелки, чашки, блюда и перекладывать ложки с салфетками. Насколько нюх позволял, я понял, что в тележке у нее еще шоколад с орехами и маленькие пирожные. И коричные рогалики. Меня так и подмывало твякнуть от радости, и я бы наверняка твякнул, если бы тут не было Щенка фру Торкильдсен. Ведь вот мы тут, собрались все вместе, и еда у нас есть. У нас есть коричные рогалики! Чего еще желать-то?

Щенок умял рогалик и, даже не дожевав, с набитым ртом проговорил:

– Мама, мы хотели с тобой кое-какие практические моменты обсудить.

– Какие? – спросила фру Торкильдсен.

Сучка набрала в легкие воздуха, но пока подбирала слова, фру Торкильдсен, выбрав момент с точностью, достойной метронома, сказала:

– Давайте сперва кофеек допьем.

Эта фраза – скрытый защитный маневр фру Торкильдсен. Допивать она предлагает не просто кофе, а кофеек, причем сделать это надо именно сейчас. Вот такая вдовья бюрократия

на блюдечке японского фарфора. А разливая по чашкам последнюю порцию кофе, она безжалостно, едва заметно кивнув в сторону Кутенка, спросила:

– Как он?.. Не лучше? Он как – по ночам по-прежнему?..

Молчание. Сучка посмотрела на Щенка. Щенок уставился в пространство.

Фру Торкильдсен сделала крошечный глоток.

– Ох да, хорошо хоть, сейчас придумали всякие эти компьютерные игры – хоть утешится.

Впервые за весь вечер все посмотрели на Кутенка. Тот сидел неподвижно, и лишь большие пальцы – большие пальцы! – стремительно мелькали над приборчиком, а все остальные молча смотрели на него. Фру Торкильдсен в эти минуты стала для меня совершенно непостижимой – пока она молчала и голоса ее не было слышно, угадать ее настроение я не мог. А вот спокойный голос и чересчур отчетливо произнесенные фразы свидетельствовали о том, что фру Торкильдсен пару раз заглядывала в шкафчик с салфетками.

– Ты хорошо играешь? А?

Мальчишка даже не заметил, что к нему обращаются. Тогда фру Торкильдсен повернулась к Сучке:

– Он все время играет, да? В своем мире живет. Но они сейчас все такие, верно? – Фру Торкильдсен хохотнула: – Давайте-ка лучше выпьем по такому случаю коньячку.

– Мы за рулем! – тут же хором заявили Щенок и Сучка.

Но фру Торкильдсен голыми руками не возьмешь. Она принесла бутылку и налила обоим коньяку.

– Вы тогда уж сами решите, кто из вас двоих за рулем, – проговорила она с самой коварной своей улыбкой.

Похоже, Сучке надоело ждать, когда Щенок «скажет это. Сейчас же!», поэтому когда фру Торкильдсен наливала в ее бокал коньяк, она прокашлялась, явно решив сказать «это» сама.

– Вы хотели подольше пожить в собственном доме, и мы всегда поддерживали вас в этом желании, – начала она.

От нее воняло беспокойством. Над следующей своей фразой она задумалась, и Щенок чуть не встрял в разговор, однако Сучка опомнилась. Я слышал, как с каждым словом сердце ее колотилось все быстрее.

– Вот только это «подольше», – она подняла руки и изобразила пальцами в воздухе туповатый жест, похожий на кошачье царапанье, – уже очень скоро закончится.

– А может, и уже закончилось, – пробормотал Щенок, после чего над столом вновь повисла тишина. Еще более гнетущая.

– То есть вы хотите отправить меня в дом престарелых? – спросила фру Торкильдсен. Голос у нее был спокойный и ледяной.

– Мы хотим лишь, чтобы вы жили в более подходящем для вас месте, – сказала Сучка. – Руар вообще-то постоянно о вас беспокоится. И я беспокоюсь. Мобильником пользоваться вы не хотите – это понятно, хотя так было бы удобнее для всех. Мой папа такой же – мы купили ему три мобильного, и он ни один из них так и не освоил. Но почему бы вам, по крайней мере, не установить систему экстренного вызова помощи?

– «Более подходящем», – повторила фру Торкильдсен, медленно кивая.

Я едва не повторил свою обычную ошибку, уделяя излишне много внимания зрительным впечатлениям, поэтому приказал сам себе успокоиться и улегся рядом со столом. Полежу-ка лучше тихонько. Тем более что Щенок как ни в чем не бывало без спроса уселся в старое Майорово кресло.

Хоть и уткнувшись носом в ковер, я унюхал, как моя добрейшая фру Торкильдсен прячет под маской спокойствия кипящий гнев. Будь она цвергшнауцером, я бы сейчас попятился и, не спуская с нее глаз, убрался бы куда подальше. Однако с виду по фру Торкильдсен и не

скажешь, что она злится. Вот и сейчас она спокойно сидела за столом, сжимая в пальцах бокал. И на губах у нее играла едва заметная улыбочка. Вот только на самом деле она готова была переступить черту, отделяющую ее от убийства, а никто из присутствующих и не догадывался, какой опасности подвергается. Сам я от напряжения едва не сбил бокал. Как же фру Торкильдсен поступит? Хм, и какие у нее вообще есть варианты? Старое помповое ружье, которое Майор так любил, по-прежнему лежит под кроватью. Сама фру Торкильдсен, понятное дело, никакой физической угрозы для троих своих гостей не представляет, но дайте ей ружье – и ситуация в корне изменится. Тем не менее фру Торкильдсен за ружьем не бросилась.

– Здесь я живу, – на удивление спокойно и размеренно проговорила она, – и здесь я доживу недолгий отмеренный мне срок. На этом и порешим.

Сучка вздохнула. И тут фру Торкильдсен – благословите ее боги – добавила:

– К тому же куда я тогда дену Шлёпика?

Мне захотелось торжественно крикнуть: «Ха!» – но я сдержался. Разговор окончен, спасибо, что зашли.

Но нет.

– Нельзя же, чтобы в таких делах решала собака, – сказал Щенок.

Я ушам своим не поверил. Это где же такое, интересно знать, написано?

– И кто сказал, что там, куда ты переедешь, нельзя держать собаку? Мама, мы вообще не про дом престарелых говорим – мы предлагаем тебе переселиться в более подходящее для тебя жилье. Где нет лестниц. Где легко прибираться. И непременно в этом же районе.

– Непременно, – поддакнула Сучка.

– Я отлично хожу по лестницам, спасибо за заботу, – сказала фру Торкильдсен вроде бы любезно, но звучало как-то не очень.

Щенок сделал еще один заход:

– Не хотелось бы тебя лишней раз пугать, но вдруг ты совсем обессилешь? Как ты тогда, например, в магазин будешь ходить?

В магазин? – не понял я.

– Тогда буду продукты на дом заказывать. Только и всего. Телефон-то у меня есть. Ты что, забыл? – И снова моя фру Торкильдсен добрая и благодушная.

– Допустим, – кивнула Сучка, – но как же тогда Шлёпик?

Тут уж и самого меня начал занимать вопрос, а как же тогда Шлёпик. Нет, я вовсе не против побыть некоторое время темой разговора, внимание все любят, но данный конкретный разговор – вопрос «Как же тогда Шлёпик?» – и фру Торкильдсен, готовая вот-вот всех поубивать, меня встревожили. И я серьезно раздумывал, не поскулить ли мне. Поскуливание – единственный собачий звук, способный разжалобить всех без исключения. Стоит страшному питбулю поскулить, и несведущие люди тотчас же заводят свое «утиноймаленький».

А вот кусаться – стратегия для меня нежелательная. Можете назвать меня трусом, но чтобы укусить, мне надо переступить через себя. Как уже сказано, я бы что угодно сделал, чтобы разрядить обстановку, но укусить – ни за что. Ни за что. Возможно, я и не прав, но это пускай другие решают.

– Ну, поднимем бокалы! – произнесла фру Торкильдсен, и сомнений не оставалось – именно это и произойдет.

Это еще одна особенность фру Торкильдсен – почти пугающая способность предсказывать события ближайшего будущего. Она, например, может сказать: «А сейчас Шлёпик пойдет купаться». «Очень сомневаюсь», – отвечаю на это я, однако права оказывается именно фру Торкильдсен. Мне от этого иногда даже не по себе делается, а фру Торкильдсен словно бы и не осознает этого своего дара.

– И за что же мы поднимаем бокалы? – поинтересовалась Сучка, вцепившись в бокал.

Фру Торкильдсен на секунду задумалась. Посмотрела на Сучку. А потом на Щенка.

– Выпьем за того, благодаря кому я живу здесь, и живу неплохо. За мою опору. Выпьем за Шлёпика!

И хотя все посмотрели на меня, мне почему-то почудилось, что лишь одному из них нравится то, что он видит.

Тема дня у доктора Пилла: *Мой отец-расист никак не смирится с тем, что среди членов нашей семьи есть люди другой расы.*

Из всего, что говорилось, я, ясное дело, ни бельмеса не понял, однако фру Торкильдсен обобщила искренним «Уфф!».

– Хорошо, что все мы скоро умрем, – сказала фру Торкильдсен.

– И чем все закончилось? – спросил я, по большей части просто для того, чтобы поддержать разговор. – Научился он мириться с родственниками, которые принадлежат к другой расе?

– Вряд ли, – ответила фру Торкильдсен, – по-моему, люди вообще с трудом учатся. Боюсь, он так и останется расистом.

– И чего в этом такого страшного? Я вот расист, и, похоже, вам от этого хуже не делается?

– Нет, ты не расист.

– Конечно, расист. Овчарок, например, я терпеть не могу, вы же знаете.

– Знаю, как же не знать. Значит, ты считаешь, будто овчарки – существа неполноценные?

– Какое-то не совсем справедливое сравнение получается. Вы же помните, что Майор и меня купил за полцены.

– Нет, я в другом смысле. Ты полагаешь, что ты лучше овчарки?

– Зависит от того, чего от нас ожидают. Бросьте нас в воду – вот я посмеюсь, когда овчарка попробует меня догнать. С другой стороны, если кого-нибудь укушу я, этого, возможно, вообще не заметят. Поэтому да, в отдельных случаях некоторые собаки действительно лучше других. По крайней мере, я так считаю.

– Но ведь у вас у всех общий предок – волк. Вы же все братья!

– Волк много где полезный бывает. А если где-то его функций не хватает, то чуток терпения – и волка тоже можно приспособить под что-то новое. Наше коронное качество – гибкость. Волк на все случаи жизни.

– Ну, тогда ты – волк плюшевый, чтобы с ним играть, – заулыбалась фру Торкильдсен.

От этого разговора мне взгрустнулось – так оно всегда бывает, когда мы болтаем на философские темы. Потом я лежал в коридоре и задумчиво грыз сапог, но вскоре задремал, и мне приснилось, будто я в лесу и повсюду какие-то грозные запахи, а я даже шелохнуться не в силах. Когда я проснулся, мне все еще было слегка не по себе и есть не хотелось. А вот фру Торкильдсен, напротив, пребывала весь вечер в отличном расположении духа – проявляется это еще и в том, что сейчас, когда на улице уже стемнело, спать она не собиралась, а вместо этого уселась книжку читать.

– Что вы читаете? – спросил я.

– «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, – ответила фру Торкильдсен, – я ее уже как-то раз читала.

– И про что там?

– Да уж, хороший вопрос. Вообще изначально она про одного мужчину, который как-то раз почувал запах пирожного.

– Интересно. А дальше что?

– Хм. Дальше... Этот запах заставляет его вспомнить все, что происходило с тех самых пор, как он был ребенком, и он принимается размышлять о времени – как оно утекает и как оно меняет – и не меняет – людей.

– Глубокие наблюдения. А собаки в сюжете задействованы?

– Боюсь, не в самых главных ролях.
– А есть какие-нибудь такие книжки, где собаки задействованы в главных ролях?
– Хм... Дай-ка подумать... Прямо сейчас мне что-то ни одной в голову не приходит – только та, что мы в школе проходили, Пера Сивле. Она называется «Всего лишь собака».
– Какое-то невеселое название.
– Кажется, и сама книжка грустная. Кстати, еще есть «Собака Баскервиль» Конан Дойла.
– Вон оно чего. И про что она?
– По-моему, собственно про собаку там довольно мало. А больше я ничего о собаках не читала – разве что детские книжки.
– Вы ведь прочли все книги в мире?
– Да что ты, нет, конечно.
– Тогда, возможно, существуют книги о собаках, до которых вы еще не дошли?
– Ну конечно – «Лесси»! – радостно вспомнила фру Торкильдсен.
– Это кто?
– Лесси – это колли, которая...
– Колли – примитивные и утомительные животные. Если порыться, то у них массу генетических сбоев найдешь.

– А ты и впрямь маленький расист. Зато Лес-си – самая знаменитая собака в мире, и про нее кучу фильмов сняли. Вообще-то я думала, это лишь голливудская сказка, но однажды мы с Майором путешествовали по Англии и приехали в один маленький городок в Южном Корнуолле; так вот, выяснилось, что именно там и жила настоящая Лесси. И выяснилось, что Лесси – вовсе не колли, а метис.

– Еще хлеще...

– Однажды во время Первой мировой войны – это другая война, раньше той, в которой Майор воевал, – в канале разбомбили военный корабль, и тела погибших моряков отнесли в местный паб и сложили в подвал. Лесси жила у владельца этого паба. Рассказывают, что она спустилась в подвал, подбежала к одному из моряков и стала облизывать ему лицо. Ее попытались оттащить, но собака никак не желала отходить от мертвого моряка. А спустя пару часов он очнулся.

– И?

– Никакого «и», – фру Торкильдсен на секунду умолкла, – прошло еще какое-то время, и моряк пришел в паб поблагодарить собаку за то, что та спасла ему жизнь.

– То есть собака прославилась только потому, что умудрилась по запаху отличить живого человека от мертвеца?

– Наверное. По крайней мере, так рассказывали. В молодости я смотрела фильмы про Лесси. Если мне память не изменяет, в них она обычно разыскивала пропавших детей. Но вот кроме этого...

Фру Торкильдсен направилась на кухню. Я уже наелся до отвала, поэтому следом не пошел, а вместо этого лежал и слушал, как она открывает холодильник, достает уже початую бутылку, наливает себе бокальчик, ставит бутылку обратно в холодильник, берет бокал и возвращается в гостиную. А вернувшись, она огорошила меня короткой, ничего не значащей фразой:

– Антарктическая экспедиция Амундсена!

Произнесла она это с какой-то непонятной решимостью, вроде как с восклицательным знаком, но спокойно и уверенно. И после сразу умолкла, точно вот эти три слова мне все прояснили.

– Что такое антарктическая экспедиция Амундсена? – спросил я.

– В моем детстве все знали эту историю. О норвежцах, которые первыми достигли Южного полюса, потому что ехали они на собаках. И они опередили англичан, хотя те не сомневались, что доберутся первыми, ведь они были сильнее и у них имелись тракторы. Вот такая собачья история. Ха-ха!

– А почему до этого... канифолиса надо было непременно добраться первыми?

– До полюса, Шлёпик. А не канифолиса. Руаль Амундсен и его спутники сели в сани, запряженные собаками, и отправились на Южный полюс... Это такой... Ну, в общем, Южный полюс. Как же объяснить-то? Южный полюс расположен в самом низу земного шара. Он находится на огромном континенте, который целиком покрыт льдом.

– Это на юге лед?

Да у фру Торкильдсен, похоже, разум помутился.

– Понимаешь, если уехать очень-очень далеко на юг, то там постепенно будет все холоднее и холоднее. С другой стороны земного шара так же холодно, как тут.

– Какая разница, какая разница, как ни крутись – повсюду задница.

– Можно и так сказать, – согласилась фру Торкильдсен.

– А зачем он?

– Южный полюс? Да особо незачем. Просто есть себе, и все. Его еще называют последним местом на земле. В былые времена людям важно было туда добраться. Причем каждый хотел оказаться там первым. И удалось это Руалю Амундсену и его собакам. Но лично мне кажется, что Южный полюс – это просто белое пятно в белых льдах.

– И какие у него были собаки?

– Не знаю. Ездовые собаки.

Я предпочел не сообщать фру Торкильдсен, что уж до этого-то я и сам додумался.

– Может, это были гренландские собаки?

Сам того не желая, я втянулся в эту вообще-то не особо занимательную историю о Руале Амундсене и его собаках, которые первыми добрались в какую-то глухомань. Потому что гренландские собаки – это настоящие собаки, тут уж не придерешься.

Назвать гренландскую собаку крутой все равно что назвать кошку глупой. То есть сильно преуменьшить ее качества. Нету на этом земном шарике, облепленном с двух сторон снегом, других собак, настолько же похожих на старого доброго волка. И не уверен я, что родился тот волк, который сравнится с гренландской собакой в ее среде обитания. А среда обитания у нее практически где угодно, главное, чтобы там были снег и лед. С другой стороны, среда обитания – понятие вполне себе конкретное. Стоит гренландской собаке покинуть Гренландию, и она перестает быть гренландской собакой. Это каждый знает. Или, по крайней мере, обязан знать.

– Они ели собак, – сказала фру Торкильдсен.

– Кто ел собак? И с какой стати они их ели? – Я постарался оградить фру Торкильдсен от всколыхнувшихся во мне ощущений и сохранить спокойствие, хотя от слов «ели собак» по хребту у меня, от головы до кончика хвоста, будто электрический разряд пустили.

– По-моему, я верно все запомнила, так оно и было, – продолжала фру Торкильдсен. – Кажется, им недоставало жизненно важных витаминов, и чтобы компенсировать их нехватку, одну или двух собак пришлось умертвить. Еды-то на Южном полюсе нет, только лед и снег.

– Сколько?

Одно из положительных качеств фру Торкильдсен – это способность не стесняясь признать:

– Не знаю.

Это она сказала смело, потому что потом добавила:

– Впрочем, это мы легко выясним.

Вообще-то собакам зря приписывают такое обостренное чувство вины или стыда. Это не только мое мнение – проводились научные эксперименты, в которых подопытным

людям (шикарное выражение!) показывали фотографию собаки и говорили, что собака эта натворила что-то не то. Нет, овец не душила, скорее раздербанила мусорку или лужу напрудила посреди комнаты.

На самом же деле за собакой на снимке ничего такого не числилось. Просто кто-то взял и сфоткал собаку, и если та в этот момент о чем-то и думала, то едва ли о своих прегрешениях. Вероятнее всего, думала псина о том, что скоро ей дадут поесть. Однако же те, кому эти снимки показывали, непременно умудрялись разглядеть в собачьих глазах «вину» или «стыд».

Разумеется, собаки иногда выглядят пристыженными и ходят тише воды ниже травы. Поднимите лапу те, кому такое поведение незнакомо! Однако в большинстве случаев причина этого не этика и не мораль, а то, что собаки умнее, чем кажутся. Они замечают, что люди недовольны и сердятся. Назовем это, если угодно, эмпатией. И коль у Шарика хватит мозгов, он поймет, что человеческое недовольство и растерзанная в отсутствие хозяина подушка напрямую взаимосвязаны. Чтобы чувствовать стыд, собака должна четко представлять, что такое правильно и неправильно. А этого собака не представляет, пускай даже вас она и ввела в заблуждение. Если повезет и собака вам достанется по-настоящему умная, то, возможно, она научится различать «желательное» и «нежелательное».

Не стану утверждать, будто собаки психопаты. Скорее, социопаты, как и все остальные живые существа, даже самая распоследняя амеба: все мы рождены со стремлением поднять над головой трофей, кричащий, что обладатель его – властелин мира. Никто не спорит, что владеют этим трофеем люди, однако те, похоже, забыли, что трофей дается не раз и навсегда.

Какой бы славненькой и безобидной ни выглядела сидящая в сумочке и больше смахивающая на плюшевую собачка, ею тоже управляют инстинкты и стремление утвердиться во главе своей стаи. Собака не делает этого по одной-единственной причине: она критически оценивает собственные шансы захватить власть, но оценивает она их непрерывно. И конечно, есть еще и такие, кому подобные умозаключения не по зубам, – чихуахуа и прочая мелочь – они скалят эти самые зубы и злобно рычат на собак, которые в два счета могли бы их сожрать.

Согласен, забавная ситуация, но замените мелкую шавку доберманом – и довольно скоро он устремится в бой. Обычно так и происходит. Собаки смелеют и медленно, но верно захватывают власть сперва над детьми, потом над матерью, а дальше – если, конечно, гонору хватит – переключаются и на отца. Остановиться просто не в их силах. И вот в один прекрасный день, когда семья мирно ужинает, Шарик вдруг решает, что час настал. Он запрыгивает на стол, опускает голову и смотрит отцу семейства прямо в глаза. При этом он рычит так, что мать с детьми быстренько ретируются, а обстановка накаляется. Честно говоря, драться Шарик неохота. По его разумению, всем будет лучше, если власть перейдет к нему в лапы мирным путем. Ну да, естественно, мы же с тобой столько раз выгуливали друг дружку все эти годы, разве нет? Поэтому давай-ка поджимай свой невидимый хвост и пяться из-за стола – и никто не пострадает.

Отец пятится к двери. Он понимает, что шансов у него нет. Зато есть ружье.

«Волка ноги кормят», – гласит старая русская поговорка.

Это и к людям относится. Благодаря своей способности не спеша, мелкими шажками передвигаться вместе со стаей и таким образом даже доходить до противоположной стороны земного шара не особо шустрая обезьяна добралась до самой вершины экологической пирамиды. Собака и человек жили в движении, и вместе они способны были проникать туда, куда в одиночку ни один из них не забрался бы.

Не знаю, кто из них первым осознал пользу, которую принесет ему другой. Возможно, волки первыми подметили, что там, где обретаются люди, полно еды. А может, это до людей дошло, что когда поблизости волк, многих других врагов можно списать со счетов.

Вот так они и соседствовали друг с дружкой – человек и волк. Ходили по общей земле. Выслеживали общую добычу. И при этом видели один другого лишь мельком. А встречаясь, например, в лесу, они брали руки в лапы и стремглав уносились в разные стороны. Может статься, если бы они так и дальше жили, оно только к лучшему было бы.

Не исключено, что как-то раз какой-нибудь волк покинул стаю, где находился на нижней ступени иерархии, и решил, положив конец унижениям и обидам, попытать счастья в одиночку. Ох уж этот знаменитый одинокий волк! Но возможно, это человеческие детеныши наткнулись на волчат и упростили родителей забрать их. «Ну пожалуйста, давайте оставим их!»

Но чтобы стая волков встретила стаю людей и подружилась с ней – вот этого, точно знаю, не было.

Возможно, нас именно это и свело вместе? Осознание, что каждый из нас по отдельности прекрасен и беспомощен, зато вместе мы превращаемся в опасное существо? Человек сам по себе красив, а вот человечество в целом отвратительно. Или как? Думаю, что фру Торкильдсен именно так это все и представляет. На кухне висит маленькая доска, а на ней – некая мудрость, которую фру Торкильдсен часто читает вслух: *Я люблю человека, но терпеть не могу людей.*

Когда-то это считалось мудростью, а сейчас стало, похоже, девизом. Я и сам не лучше. Мы – я и фру Торкильдсен – стали на старости лет сторониться стаи.

Я.

Я и ты.

Неприятности.

В дверь позвонили. Фру Торкильдсен поставила на стол чашку с кофе и, прищурившись, посмотрела на настенные часы.

– Кого это, интересно знать, принесло?

Я, со своей стороны, поддержал ее и, не раздумывая долго над тем, кто бы это мог нанести нам визит, во всю глотку залаял. Фру Торкильдсен затянула пояс на халате и прошаркала следом за мной к двери. Пока она открывала дверь, я молчал – на тот случай, если на пороге окажется здоровенный пес. Однако опасался я зря. Вместо пса там топтался здоровенный мужик, на вид страшноватый, зато пахло от него изумительно. Мне захотелось подскочить к нему и цапнуть его за ногу, но фру Торкильдсен отпихнула меня.

Ароматный мужик держал в руках зеленую бутылку.

– Прекращайте кидать бутылки в мусорный контейнер, – сказал он, – а то в третий раз уже. Найдем еще бутылку – и мы мусор вообще вывозить не будем.

Фру Торкильдсен уставилась на бутылку, перевела взгляд на мужчину, а потом снова на бутылку.

– Это мне? – Она взяла бутылку из рук здоровяка.

Тот от неожиданности отступил.

– Надо же... У меня что, день рожденья сегодня? – изумилась фру Торкильдсен.

И Мусорщик тоже изумился. Но мяч был на его поле, хоть что-то сказать ему надо было, поэтому он проговорил:

– И собачьи мешки потуже завязывайте, – он посмотрел на меня, – а то воняют!

«Вот наглая тварь!» – возмутился я про себя. Заявляется к уважаемым пожилым дамам, унижает их и хамит! Будь Майор жив, здоровяк и сам тотчас в мусор улетел бы. Но Майора больше здесь нет. Сейчас здесь есть я. И верное решение должен выбрать я.

– Тащите скорее ружье! – скомандовал я фру Торкильдсен.

– Подождите секундочку, ладно? – попросила фру Торкильдсен самодовольного Мусорщика и, к моей радости не дожидаясь ответа, решительно направилась в Дом, по привычке прикрыв за собой дверь.

Ситуация сложилась щекотливая. Я, можно сказать, оказался в тесной клетке наедине с возмездием. Мысли в голове бешено заметались. Сколько же времени займет у фру Торкильдсен вытащить из-под кровати ружье? Есть ли у нее нужные патроны? Чем меня накормят на ужин? Чтобы выиграть время, я вполсилы гавкнул, а Мусорщик спокойно опустился на корточки и принялся со мной болтать.

– Хоро-оший мальчик! – сказал он, и не успел я еще разок в ответ гавкнуть, как хвост у меня пришел в движение – от этого мужика ведь и пахло сногшибательно.

Мусорщик снял перчатки и стал чесать мне загривок. Да, собак он на своем веку явно перечесал немало. Не хуже Майора оказался. Я зажмурился и забыл обо всем на свете, вот только вскоре дверь позади меня хлопнула.

«Не стреляйте!» – уже собрался было завопить я, но увидел в руках у фру Торкильдсен не ружье, а чашку кофе и коричный рогалик.

– Поздравляю с днем рождения! – радостно сказала она.

– Э-хм... У меня день рождения не сегодня, – ответил Мусорщик и, к великому моему сожалению, прекратил меня чесать.

Фру Торкильдсен искренне рассмеялась:

– Знаю, дурачок. Но зато сегодня у нас с тобой годовщина свадьбы!

Весь день потом фру Торкильдсен ходила такая довольная, что назавтра прямо с утра позвонила нескольким кузинам и рассказала про эту свою выходку, – кстати, в итоге Мусорщик, взяв рогалик, осторожно ретировался, в полной уверенности, что у фру Торкильдсен крыша поехала.

– Как-то нехорошо получилось, разве нет? – спросил я, когда она, поведав в очередной раз о своей победе, положила трубку. – К тому же вы сами как-то говорили, что про болезнь врать нельзя, иначе и впрямь заболеешь.

– Врать? А где же тут вранье? Его ввели в заблуждение его же собственные предрассудки. Если бы я была молодая и вела себя вот так, он решил бы, что перед ним наркоманка. Будь я африканкой, он решил бы, что это потому, что я африканка. А я старая – и поэтому он решил, что у меня старческий маразм. Маразм, значит? Ну тогда держи и смотри не обляпайся!

– Эти слова я вам припомню.

– Если понадобится, я и сама попрошу тебя мне их припомнить. Расскажу тебе, Шлёпик, один секрет. Многие старики просто ведут себя как слабоумные, а на самом деле вполне нормальны.

– Допустим, но справедливости ради надо помнить, что многие старики ведут себя как нормальные, а на самом деле совсем без гармошки. Чистая одежда, расчесанные волосы – и не поймешь, что перед тобой ментальный инвалид. А вот запах разумности не подделаешь.

– Дело в том, Шлёпик, что старость, если правильно ее применить, открывает неограниченные возможности для обмана и хитрости. От старика никто не ждет обмана, и это заблуждение может быть на руку. Взять, к примеру, дядюшку Педера: он дожил почти до ста лет и в старости водил налоговую за нос так, что любо-дорого посмотреть. Однажды, когда к нему заявился налоговый инспектор, дядя Педер радушно пригласил его войти, усадил в гостиной и сварил для него кофе, после чего отправился спать. Проснулся – а инспектор, разумеется, уже ушел. Потом то же самое повторилось с другим чиновником, и закончилось все так же. Больше у дядюшки Педера проблем с налоговой не было.

День у фру Торкильдсен задался, и она утверждает, будто это благодаря мне. У меня лично день получился какой-то сумбурный, и я бы сказал, что виновата в этом фру Торкильдсен. Мнения у нас тут сильно разнятся, но расскажу, как все складывалось. С утра, насколько я помню, положение вещей можно было бы охарактеризовать как обычное. Яйца, молоко,

хлебцы и кофе. И в газетных некрологах ни единого знакомого. Задним числом вынужден признать, что фру Торкильдсен напустила на себя чуток загадочности.

– Сделаем-ка бутерброды в дорогу, – сказала она, – потому что день будет долгий.

– По-моему, отличная идея, – сказал я.

Увлечшись мыслями о еде, я не удосужился спросить фру Торкильдсен, с чего это день у нас будет долгий. Мечты о лакомстве, которое готовит мне грядущий день, были ответом на все мои незадаанные вопросы.

Поэтому когда мы – я и фру Торкильдсен – уселись в Туннельный поезд, я еще не сомневался в своем ближайшем будущем. К счастью, в Туннельном поезде не оказалось ни маленьких детей, ни собак и даже чужих ног было мало, поэтому я наслаждался поездкой. По крайней мере, пока фру Торкильдсен неожиданно не вскочила и не потянула меня к дверям. Поезд, судя по всему, притормозил, мы вышли и очутились в каком-то помещении. Однако едва я успел втянуть носом сложный и многогранный запах, как фру Торкильдсен как-то чересчур уверенно потащила меня наверх. Через секунду мы уже были на улице. Улица напоминала бурлящий котел – если смотреть с высоты человеческих коленей.

Фру Торкильдсен, не обращая внимания на толпу, шумные машины, отвратительные газы и какофонию звуков, способную привести в ужас любую собаку, целеустремленно вела нас вперед, пока мы не добрались туда, куда ей надо было. До ничем не примечательного клочка асфальта. Там фру Торкильдсен вдруг остановилась.

Почему она встала на таком месте, где стоять было в высшей степени неприятно, я не понял и на миг усомнился в том, что фру Торкильдсен и впрямь ведает, что творит, но тут она в очередной раз поразила меня своей способностью предсказывать будущее. Возможно, она почуяла, что я слегка разнервничался, потому что именно тогда, когда мне стало совсем невмоготу, она наклонилась, погладила меня по голове и сказала:

– Сейчас на автобусе поедем, Шлёпик.

Она еще не договорила, как прямо перед нами притормозил красный автобус, и фру Торкильдсен, держа в одной руке сумку на колесиках, а в другой мой поводок, поднялась по ступенькам и уселась на самом заднем сиденье. Я даже и не думал залезать на соседнее сиденье – во-первых, высоко, а во-вторых, наверняка и запрещено.

Автобус останавливался, выплевывал людей, ехал дальше, снова останавливался и выплевывал людей, и снова, пока мы с фру Торкильдсен не остались там единственными пассажирами. Наконец фру Торкильдсен объявила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.